

ИСТОРИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

ВИДЕНИЕ ОСМАНА

Кэролайн ФИНКЕЛЬ

РАСЦВЕТ И ГИБЕЛЬ САМОГО МОЩНОГО
МУСУЛЬМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Кэролайн Финкель
История Османской империи. Видение Османа
Серия «Страницы истории (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062787

История Османской империи: Видение Османа : [пер. с англ.] / Кэролайн Финкель.: АСТ; Москва;

2014

ISBN 978-5-17-081975-1

Аннотация

Когда-то маленькое независимое тюркское княжество, начав «священную войну», превратилось в великую страну – самое сильное мусульманское государство Средневековья, мощную военно-феодальную державу, которой удалось то, что не сумели сделать арабы, – завоевать Византию...

В Османской империи, включавшей в себя большую часть Восточной и Южной Европы, значительные территории Северной Африки и практически весь Арабский Восток, процветали торговля и ремесла, науки и искусства.

Что же ослабило эту могущественную державу и привело ее к гибели и развалу?

Османская империя от ее возникновения до упадка – тема увлекательной книги английского историка Кэролайн Финкель.

Содержание

Благодарности	5
Предисловие	11
Словарь османских титулов	14
Глава 1	15
Глава 2	31
Глава 3	50
Глава 4	74
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Кэролайн Финкель История Османской империи. Видение Османа

Caroline Finkel
OSMAN'S DREAM

The Story of the Ottoman Empire 1300—1923

*Перевод с английского К. Алексеева, Ю. Яблокова
Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства John Murray (Publishers) Limited, A Member of the Hodder Headline Group и литературного агентства Andrew Numberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Caroline Finkel, 2005 © Перевод. Ю. Яблоков, 2009

Благодарности

Все те долгие годы, когда создавался «Видение Османа», многие коллеги и друзья всячески вдохновляли меня и великодушно помогали в моей работе. Они лично и по электронной почте отвечали на массу вопросов; присылали мне статьи и книги, как увидевшие свет, так и еще не напечатанные; читали отдельные главы, многие главы, даже законченную рукопись; и постоянно старались уберечь меня от ошибок. Если бы не широкая душа и готовность этих людей щедро поделиться со мною плодами своих исследований, я бы даже не смогла начать писать эту книгу.

Я выражаю свою глубочайшую признательность сотрудникам Стамбульского отделения Американского исследовательского института в Турции; директор Энтони Гринвуд и его помощники Полден Гюнери и Семрин Коркмаз по несколько месяцев терпели мое присутствие, пока я изучала имеющееся в институте великолепное собрание документов и читала материалы на османскую тематику, – и каждый день все эти месяцы обедали вместе со мной. Если бы не приятные поездки на катере через Босфор и не покой институтской библиотеки, я бы сдалась еще в самом начале. Писать «Видение Османа» я начинала в Кембридже, где Кэйт Флит из Скиллитер-центра при Кембриджском университете позволила мне беспрепятственно пользоваться библиотекой Скиллитера, еще одним оазисом для специалистов по истории и культуре Османской империи. Я также благодарна за помощь сотрудникам находящихся в Стамбуле Французского института анатолийских исследований и библиотеки Фонда исследований ислама («Ислам араштырмарлы вакфи») и Британской библиотеки, которые дали мне разрешение воспользоваться их богатыми коллекциями.

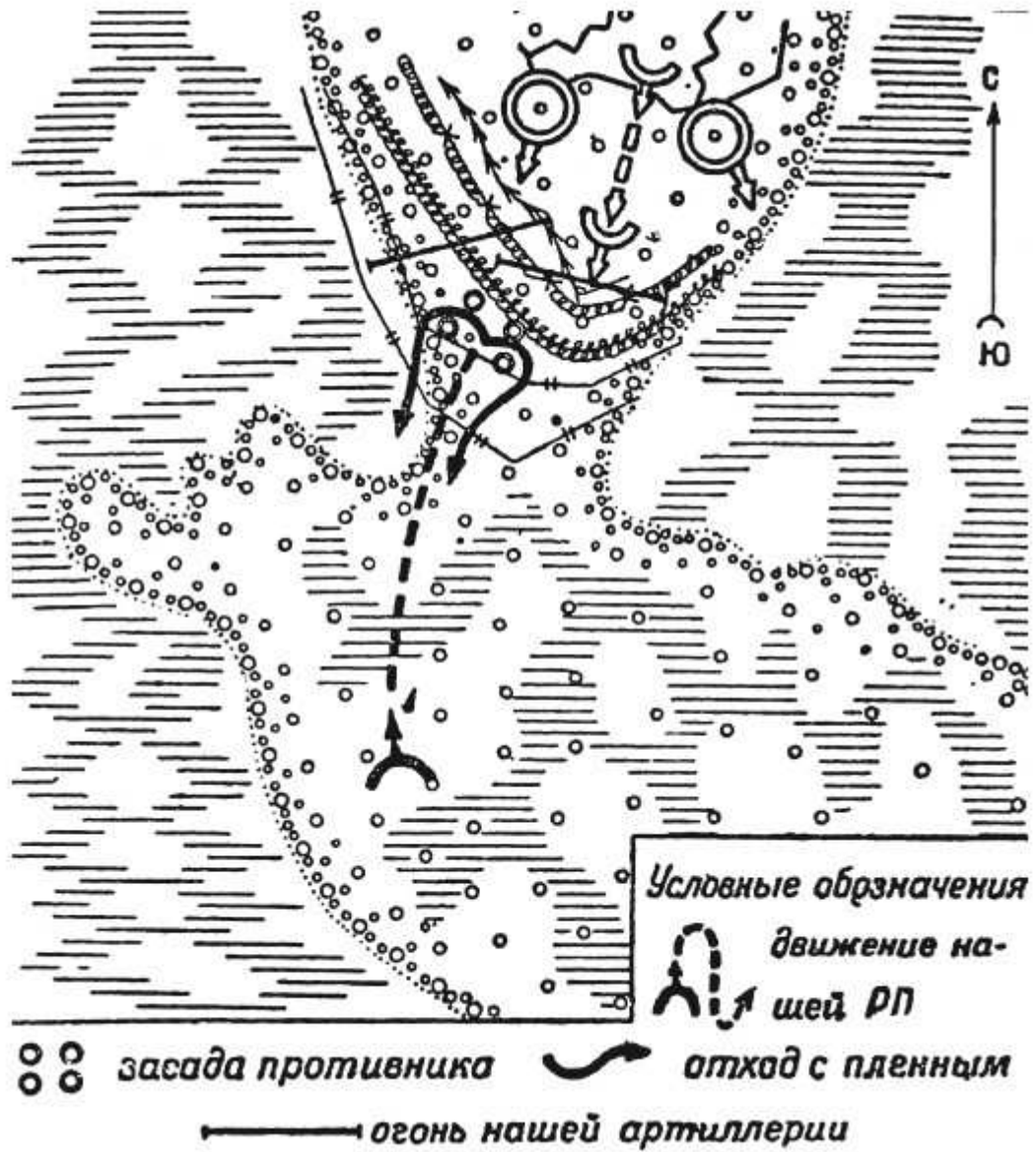
Многие другие люди, без кого не было бы этой книги, не раз оказывали мне помощь, и я хотела бы назвать следующие имена: Габор Агоштон, Вирджиния Аксан, Джон Александер, Жан-Луи Бак-Граммон, Мишель Бернардини, Идрис Бостан, Грегори Брю-эсс, Дункан Булл, Роберт Данкофф, Кэролайн Дэвидсон, Селим Дерингиль, Кэтрин М. Эбель, Говард Эйзенштадт, Й. Хакан Эрдем, Сельчук Эсенбель, Сурайя Фаруки, Корнелл Флейшер, Паль Фодор, Джон Фрили, Фатма Мюге Гёчек, Дэниэль Гофман, Ясмин Гёнен, Росица Градева, Джейн Хэтуэй, Колин Хэйвуд, Фредерик Хитцель, М. Шюкрю Ханиоглу, Колин Имбер, Роберт Джонс, Явуз Селим Каракышла, Клэр Руофф Караз, Михаил Ходарковский, Мачьял Кил, Дарюш Колодзейчик, Клаус Крайсер, Донна Лондри, Хит Лаури, Джеральд Мак-Лин, Эндрю Манго, Ненад Моачанин, Родс Мэрфи, Октай Озел, Бурджу Озгювен, Оед Пери, Гедда Рейндл-Кил, Кахраман Шакул, Ариэль Зальцман, Хэмиш Скотт, Норман Стоун, Фрэнк Сисин, Набиль ат-Тикрити, Кристин Томпсон, Люсьен Тис-Шеноджак, Гюндюз Вассаф, Сара Нур Йилдыз, Элизабет Захариоду, Фариба Заринебаф-Шахр. Ими этот список ни в коей мере не исчерпывается, многие люди постоянно мне помогали. Еще я бесконечно обязана двоим: это – Джойс Мэттьюз, который перевел многие прозаические и поэтические отрывки с турецкого на медоточивый английский, стараясь передать интонацию оригинала, что удавалось в единичных случаях; и Ара Гюлер, который фотографировал меня для рекламных материалов.

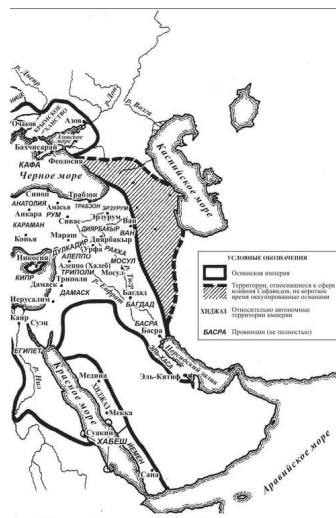
Писать – тяжело; еще сложнее, когда дело касается иллюстраций. Мне хотелось бы в особенности поблагодарить тех, кто сделал этот процесс относительно безболезненным: Филиз Шанман, Зейнап Челик и Гюлендам Накипоглу из Библиотеки дворца Топкапы; Эдхем Элдем; Мухиттин Эрен из «Эрен пабликейшнс» (Стамбул); Джон Скотт из «Корнукопия мэгэзин»; Ф. Мухтар Катырджы; сотрудники отдела культуры «Япы креди банк» (Стамбул); Джулия Бартрам из отдела гравюр и рисунков Британского музея; Наталья Кроликовская; Кшиштоф Вавжиняк.

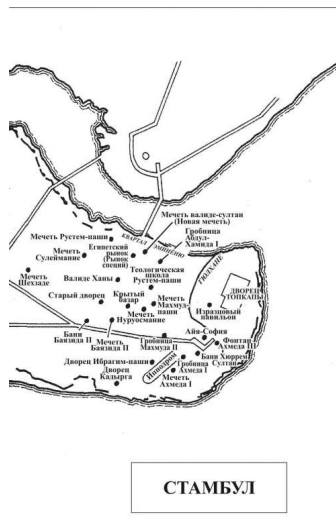
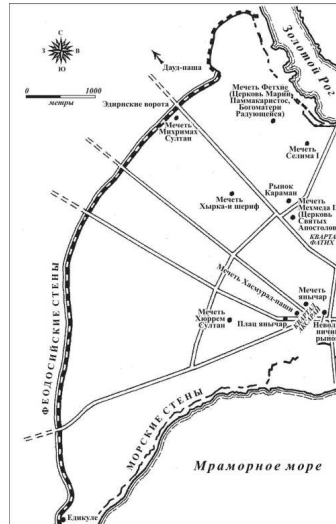
Мой выпускающий редактор в издательстве «Джон Марри», Кэролайн Нокс, оказывала поддержку вплоть до самых последних этапов подготовки книги к публикации: моя самая искренняя благодарность ей, ее преемнику Гордону Уайзу, Кэролайн Уэстмор – за достойное подражание вниманию к деталям, Кэти Бенуэлл и Никки Барроу. Мне также хотелось бы выразить свою признательность за высокопрофессиональную редактуру Лиз Робинсон и Элизабет

Добсон, которые придали тексту гладкость, которой иначе у него могло и не быть. Филип Мэнсел предложил эту книгу «Джону Марри» и заслуживает отдельного упоминания – он сыграл важную роль, став инициатором написания истории Османской империи, предназначенной широкой аудитории, а подобные шансы слишком редко выпадают на долю ученому-историку. Мой агент, Энн Энджел, мягко подгоняла меня, когда я падала духом или когда у меня пропадала охота писать дальше. Карты нарисовал Мартин Коллинз, а указатель составил Дуглас Мэттьюз.

Я отправилась в путь по тропе Османов под чутким и внимательным руководством Виктора Менажа, в прошлом профессора турецкого языка в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. Теперь, много лет спустя, я могу чем-то отблагодарить его за те знания, которыми он со мной делился. Другой Виктор – Виктор Остапчук, – с которым нас объединяет страсть к Османскому Черному морю и сложность его обороны от наступающих с севера держав, много времени посвятил чтению моей рукописи, по мере того как продвигалась работа над нею. Со свойственной настоящему ученому глубиной проникновения в вопрос он высказал множество замечаний, для которых свойственна присущая настоящему исследователю глубина и тщательность, – несмотря на занятость своей работой и карьерой. Но прежде всего я счастлива тем, что вышла замуж за писателя и журналиста – или, вернее, неудавшегося ученого, ставшего журналистом, – который открыл передо мной неоспоримую ценность того, как делать невозможное возможным, и показал, что есть слова, при помощи которых и самые малопонятные вопросы можно объяснить доступно для широкой аудитории. Свою книгу я посвящаю двум Викторам – Вик– и бюзюргу и Вик– и сатиру, – Эндрю Финкелю и нашей дочери Иззи, которая все свои детские годы провела под сенью Османов.

Предисловие

В последние годы наблюдается бурный рост исследований, и на полках книжных магазинов вместе с историями о других периодах и странах можно увидеть книги об османах различного охвата и тематики. Некоторые предназначены для научной аудитории, некоторые освещают лишь ограниченный период времени, некоторые полностью основаны не на турецких или не османских источниках. Моя задача заключалась в том, чтобы дать широкой аудитории современную историю всего хронологического периода Османской империи; моей целью было оспорить слишком упрощенное представление о том, что Османская империя возникла, пришла в упадок и распалась – и это все, что мы должны знать о ней.

Исторические исследования не стоят на месте, и в последние 10 или 15 лет появились захватывающие новые точки зрения и интерпретации. Тем не менее общее современное восприятие Османской империи все еще в большой степени определяется наблюдениями и предубеждениями, содержащимися в европейских источниках, написанных в пылу различных конфронтаций между западными государствами и османами. Характеристика империи как «восточной тирании» или «больного человека», например, ведет происхождение от отдельных периодов времени, когда такие «политические высказывания» служили конкретным целям. К сожалению, они постоянно повторялись и возвращались в научный оборот, как будто охватывают всю историю империи.

Большая часть из того, что считается историческими трудами об Османской империи, на самом деле не всегда научна и добросовестна в том, что касается «истории», и превращает османов и их мир в театр абсурда – парад распутных султанов, порочных пашей, беспомощных женщин из гарема, мракобесов-церковников – стереотипные персонажи, вмерзшие в тухлявые декорации, в которых нет и намека на динамику развития. Рассказывается вечная сказка о враждебном и экзотическом мире, но она не в состоянии проинформировать читателя о процессе, сформировавшем целый мир. То, что эти книги хорошо продаются, свидетельствует о широком интересе к Османской империи, то, что они не базируются ни на более современном историческом подходе, ни на оригинальных источниках, отражает тот факт, что османские историки не часто утруждали себя написанием книг для широкой аудитории. Я надеюсь, что мое «новое изложение» привлечет широкого читателя, и в то же время послужит сдержанной корректировкой, способствующей нашему пониманию связей между прошлым и настоящим и того, как мы оказались там, где сейчас находимся.

Мой собственный подход к османской истории волей обстоятельств окрашен длительным пребыванием в Турецкой Республике, наследнице Османской империи, где я прожила около 15 лет. Прошлое воистину другая страна в Турции, чьи граждане были лишены легкого доступа к литературным и историческим трудам предыдущих эпох, благодаря смене алфавита в 1928 году с арабского письма на латиницу, знакомую в большинстве стран западного мира. В то же время проводящаяся программа, для того чтобы сделать словарь языка более турецким, удаляет из него слова арабского и персидского происхождения – два других компонента той богатой смеси, которая была османским языком, сегодня грозящим стать таким же «мертвым», как латынь. С другой стороны, труды османского периода издаются в современной письменности и с упрощенным языком, позволяющим современным читателям получить некоторое представление о том, что происходило раньше. В противном случае ситуация была бы ужасающей: представьте себе литературный корпус Англии, из которого исключено все, написанное до 30-х годов XX века!

Когда-то казалось вероятным, что с уходом поколений, выучивших османский язык до замены алфавита, будет мало тех, кто сможет читать многотомные документы и рукописи, которые являются основным источником по османской истории. Тем не менее студенты про-

должают учиться на историков и изучать османский язык, и они занимают должности в университетах Турции и за границей наравне со специалистами по османской истории, родившимися не в Турции. Правда, туркам было непросто отказаться от «официальной истории», которую они изучали в школе, версии их прошлого, получившей импульс от революции, отождествляемой с именем Мустафы Кемала Ататюрка, «отца современной Турции». В первые годы республики османские столетия считались перевернутой страницей, к ним относились пренебрежительно, как будто они не имели отношения к новой стране. Но поскольку память об османском периоде не слабела, он становился более открытым для внимательного изучения; и преподаватели приучали турков видеть себя наследниками славного прошлого. Так теперь официальная история поддерживает мнение, что османская династия была непобедимой, а ее султан всемогущим – за исключением тех, которых помнят под такими прозвищами как «Пьяница» или «Безумец», – но до сих пор мало внимания уделяется сопротивлению населения государству и его предписаниям, которое имело место с первых лет существования империи: нежелание признать существование разногласий является неизменной особенностью политики в современной Турции.

И все же, несмотря на практические препятствия, затрудняющие понимание османского наследия, граждане современного турецкого государства интересуются своей историей. Политические дискуссии пестрят историческими аллюзиями, достаточно непривычными для западных обозревателей: образы прошлого дают богатый источник ссылок, когда политики спорят о том, какая версия истории лучше послужит завтрашним целям (завтра, которое здесь зачастую кажется более неопределенным, чем где-либо еще). Множество обсуждений касается проблем, корни которых уходят глубоко в историю. Один из самых очевидных примеров того, как прошлое преследует настоящее, это «армянский вопрос», который в нынешнем своем проявлении вращается вокруг армян, пытающихся воздействовать на национальное правительство, чтобы оно признало массовую бойню в Анатолии во время Первой мировой войны геноцидом. Менее очевидны для постороннего две другие темы, стоящие в турецкой повестке дня: роль военных в политике и пределы приемлемого в проявлениях религиозности. Эти темы проходят через всю османскую историю и занимали государственных деятелей прошлого, также как и сегодняшних. Задача историка показать, как прошлое вело к настоящему, или к настоящему, которое сегодня уже является прошлым. В написании турецкой истории, таким образом, появляется больше болезненных тем для обсуждения, чем в других странах, и составитель османской истории не может позволить себе роскоши предоставлять развлечение ценой замалчивания.

Принято заканчивать исследования Османской империи 1922 годом, годом отмены султаната; 1923 годом, когда была провозглашена Республика Турция, или даже 1924 годом, когда был ликвидирован халифат. Я распространила свое описание на республиканский период до 1927 года, когда Ататюрк произнес программную речь, подтверждая свою роль в низвержении империи и установлении республики и излагая свои убеждения, свои мечты о будущем. Отсюда заглавие моей книги, которое намекает на сон; который первый султан Осман, как считается, видел, сон, истолкованный как пророчество рождения и роста империи, историю которой я попыталась изложить. Продолжение истории до 1927 года также позволило мне указать на некоторую преемственность между республикой и империей: общепринятая идея о том, что республика создавалась в абсолютно новых условиях и несла на себе лишь след революции Ататюрка, понемногу оспаривается историками.

При написании работы такого амбициозного масштаба я столкнулась с проблемой выбора. Я не претендую на полноту, которой, помимо всего прочего, невозможно достичь. Генеральная линия повествования казалась желаемой. В какой-то мере читатели могут возразить, что было бы проще понять происходящее, если бы незнакомые элементы, такие как янычары или гарем, были описаны отдельно, вне основного течения текста. Я считаю, что

эти особенности являются неотъемлемыми компонентами общества, которое их породило, и что они не существовали в вакууме; по той же причине, искусство и архитектура происходят из сложности общества и не могут быть истолкованы как изолированное проявление чистого творчества. Также не имеет смысла обсуждать религию в главе под названием «Ислам», поскольку религия является важной движущей силой истории, и то, как ее практикуют в любое время и в любом месте (когда бы и где бы то ни было), имеет политические последствия. Рассмотрение истории через «общественные институты» приводит к статичной картине и затемняет взаимосвязи между описываемыми событиями. Это не дает возможности читателю составлять собственное мнение о разных аспектах османской истории. Разумеется, есть уникальные явления в истории любого государства, но выделять их по сравнению с этапами развития, сопоставимыми с историей других государств, кажется мне неправильным.

«Черная дыра» османской истории – уже само по себе основание для сожаления, но еще прискорбнее очевидный «железный занавес» непонимания между Западом и мусульманами. Это в большой степени результат «старых повествований» европейцев об Османской империи. Чтобы понять тех, кто культурно и исторически от нас отличается, вместо того чтобы прибегать к таким ярлыкам, как «империя зла», «фундаменталисты» и «террористы», безотлагательно необходимо попытаться понять, а не бравировать своим невежеством. Величайшее высокомерие – спрашивать, почему «они» не такие, как «мы», вместо того, чтобы осознать нашу культурную предвзятость.

Таким образом, эта книга предназначена для нескольких аудиторий. Я надеюсь, широкий читатель, который мало знает об Османской империи помимо «старых» изложений, найдет «новое» изложение во всех отношениях таким же захватывающим, а также значительно более комплексным и убедительным, поскольку здесь описывается, как империя и ее народ представляли себя и как эти представления менялись со временем. Я много написала об османских соседях и врагах на западе и на востоке, поэтому здесь есть кое-что для тех, кто интересуется территориями на османской границе, равно как и удаленными от нее. Она также предназначена для студентов, приступающих к изучению османской истории, которым в настоящее время недостает однотомного изложения ее на английском языке. Я надеюсь, что ее прочтут все, кого притягивают долгие столетия Османской империи.

Словарь османских титулов

Значение османских почтительных обращений не были постоянным на протяжении всего существования империи; определения, которые приведены ниже, были в основном распространены до конца XVIII века, если не позднее, но этот список не может быть исчерпывающим.

Большинству высокопоставленных османских чиновников давались прозвища: некоторые имели отношение/намекали на определенные физические особенности/черты; другие выводились из репутации (той или иной) личности; третьи указывали на место рождения (большинство последних оканчиваются на – лы/-ли или – лу/ – лю). Из источников того времени становится ясно, что некоторыми из этих прозвищ награждали человека еще при жизни, другими – после смерти. Пример последних – прозвище султана Сулеймана I «Закондатель», которое не использовалось широко до его смерти.

Ага: использовалось для военачальников полков султана, в особенности главнокомандующего янычарами, а также для главного черного евнуха, главы гарема.

Байло: использовалось венецианцами для обозначения посланника или посла, особенно венецианского представителя при дворе султана.

Бей: военачальник, правитель эмирата; позднее старший гражданский чиновник.

Челеби: уважительный титул, неофициально присваиваемый писателям.

Деспот: использовался византийскими и другими христианскими принцами на Балканах.

Эфенди: почтительный/вежливый титул, сходный по значению с челеби; также использовался для духовных (должностных) лиц; в XIX веке использовался как эквивалент «господину».

Эмир: мусульманский племенной (вождь) или царственный правитель небольшого государства (эмирата).

Гетман: титул, используемый для вождя или лидера казаков; польский военачальник.

Ходжа: используется для духовных (должностных) лиц.

Кади: судья и нотариус.

Хан: использовался татарскими правителями, в частности Крыма.

Мирза: титул иранских принцев.

Паша: высший титул, присваиваемый военачальнику или государственному деятелю.

Рейс: титул командующих флотом.

Султан: правитель, наделенный верховной властью; также использовался для принцев и старших жен в османском доме.

Визирь: титул министров султана, наделенных как военной, так и политической властью; великий визирь был старшим из них.

Воевода: использовался правителями Трансильвании, Молдавии и Валахии.

Глава 1

Первые среди равных

Рождение Османской империи, завершившей свое существование в строго определенный день, теряется в легенде.

29 октября 1923 года Мустафа Кемаль Ататюрк объявил себя президентом Турецкой республики, нового государства в пределах исторически сложившихся, всемирно признанных границ. Еще 1 ноября 1922 республиканцы отстранили от власти султана, хотя за ним сохранялся титул религиозного правителя всех мусульман, а 3 марта 1924 года был отменен и этот статус, в историю уходили понятия династического правления и прав помазанника божьего.

Между 15 и 20 октября 1927 года Мустафа Кемаль направил послание к парламенту – настолько известное, что на турецком языке его называют просто «Речью» – о причинах, вынудивших его поколение попытаться изменить национальную политику, давно приведшую к постоянному отставанию Османской империи от цивилизованного мира. Его первые годы во власти были посвящены проведению целого ряда реформ, которые он назвал революционными, предназначенными заставить турецкое население отринуть имперское наследие, тиранию духовных властей, и открыть для себя современный мир.

Пройдут годы, прежде чем турки будут в состоянии другими глазами посмотреть на собственную историю – историю стремительного возвышения и краха исламской империи, которая в своей высшей точке развития, в XVI веке, возможно, конкурировала с энергией древнего Рима, но вследствие некоторого врожденного недостатка оказалась не в состоянии идти в ногу с христианским Западом. В течение многих столетий воины империи держали в страхе не только армии Европы, но и Ирана и других мусульманских государств, архитекторы воздвигали грандиозные мечети, до сих пор являющиеся доминантами турецких городов; развитая юридическая система империи сохраняла правовое равновесие в этнических конфликтах Балкан и Ближнего Востока. Чтобы понять, как османы могли финансировать и управлять империей такого масштаба, современные историки начали расшифровывать бухгалтерские книги архитекторов и исследовать отчеты законников; новое поколение ученых читает между строчками хроник, посвященных победам султанов, ведь история империи не просто история правящей семьи; и, что наиболее важно, начато критическое осмысление письменных источников, пришло понимание их предвзятости и неполноты, сквозь исторический миф прорывается живой голос огромной, многонациональной страны.

Когда в 1998 году, накануне второго тысячелетия, Турецкая Республика праздновала семьдесят пятую годовщину образования, не был забыт день основания Османской империи семьюстами годами ранее. Но почему 1299 год считается датой основания империи? Не произошло никаких решающих сражений, не было декларации независимости или штурма крепости. Самые простые объяснения являются часто самыми убедительными: тот год соответствует 699–700 годам в исламском календаре¹. По редкому математическому совпадению, совпало летоисчисление в христианском и в исламском календарях. Какой год более благоприятен для празднования основания империи, охватившей Европу и Ближний Восток?

Поначалу османов, стремившихся к распространению своей власти, в гораздо меньшей степени интересовала дата основания их государства, нежели вещей сон, подтверждающий их права на новые территории. Для них империя в буквальном смысле начиналась со

¹ Исламский календарь – лунный. В году насчитывается 354 или 355 дней, т. е. на 11 дней меньше, чем в григорианском солнечном календаре. Первым днем года считается 16 июня 622 года от удаления (хиджра) Мухаммеда. – *Здесь и далее примеч. автора.*